

Струг истории

АЛЕКСАНДР НИКИТИН (1956–2005)

историк, православный писатель, автор книги
«Исследования и очерки к биографии А. В. Суворова».

Достопамятные русские святыни: Остров Северной Фиваиды

(К истокам христианского пустынножительства на Русском Севере)

Имя некогда процветавшего арабского городка Луксора почти никому уже не напомним «стовратной» столицы и первосвященства Древнего Египта. Лишь обломки грандиозных храмов «всемогущего царя богов» Аммона-Ра безгласно свидетельствуют дотошным археологам о благоговейном трепете простого египтянина, ступавшего на священную землю города древних Фив — богатейшего, загадочно-мистического, навсегда разрушенного в 84 г. до Р. Х. бессмысленным бунтом темной толпы.

Превратились в прах столпы, стояла и верей фиванских святилищ. Но наполнилась древняя земля новыми храмами и молитвами подвизавшихся на ней первохристианских отшельников, явились чудесные плоды святости, оросилась пустыня духом истинной веры!

Прошло много веков, но память о дивном христианском обновлении некогда заброшенных и разоренных земель Фив, с легкой руки историка церкви А. Н. Муравьева, неожиданно обрела свое новое звучание в образном прозвании Святой Руси «Северная Фиваида». Наиболее контрастно и вместе с тем потаенно-созвучно оказалось это понятие духу нашего северного края, где вознесенные на высокие холмы и крутые берега рек,

упрятанные в непроходимые чащобы лесов и в отрешенные от мирской суеты «медвежьи углы» российской глухомани, стоят воистину «в разселинах каменных, островах же морских» многочисленные святыне обители — монастыри, пустыни, скиты.

Богатые и скудные, по-северному нестяжательские, — с церквями в память славных побед и достижений отеческих благочестием светских владык и по наказам князей отстроенными, — жили во славу Божию и благоукрашались величием молитвенного гения и духовной силы святорусского человека эти чудные духовные острова! В тишине келий переписывались древние книги, создавались летописные своды, творилась музыка знаменного распева и писались сурово-отрешенные образа. Из нагромождения «риторских премудрости» возводилось стройное здание русской православной теологии. Денно и ночью теплилась, горела негасимая иноческая молитва — предстательство за Царя, христоролюбивое воинство, богохранимую землю Русскую и «вся православныя христианы»!

Со своими подъемами и упадками, событиями церковно-исторической и общерусской значимости эта насыщенная, вовсе не безучастная к судьбам чуждого мира высокодуховная жизнь текла в стенах древних обителей до печально известных событий начала XX века. И сегодня «града взыскующему» современнику предстают лишь поруганные, разоренные, сиротливо вознесшиеся в высь равнодушного северного неба — развалины...

I

В одном из таких мест «Северной Фиваиды», где река Кубена приближается к месту впадения в Кубенское озеро, множество мелких речек и потоков образуют живописные, покрытые лесом острова, — хоть вторую Венецию строй! А по берегам стоят еще старинные глухие северные селения: Устье Кубенское, деревня Чирково с Афанасьевской церковью, точно обетная свеча поставленной на крутой Лысой горе, и рабочий поселок Лесозавод. С первым плеском о борт свежей озерной волны предстают среди водной глади увенчанные ажурным северным крестом, величественные даже в своем нынешнем виде руины. Кого о них ни спроси — от седобородого старика до босоногого мальчишки — ответят:

— Спас Каменной!

Но никто уже не расскажет о славном прошлом заброшенной нынче обители, словно и не происходило здесь тех событий, описывая которые ученый иезуит иеромонах Иоанн (Кологривов) в заморском «немецком» городе Брюсселе назвал Спасо-Каменный монастырь третьим, — после Сергиева и Кириллова, — духовно-географическим центром Святой Руси.

Пустынничество здесь началось еще семьсот лет назад в то тяжелое время, когда орды диких всадников на лохматых низкорослых лошадях вторглись сметающей все на своем пути лавиной в пределы Южной Руси: запыхали разоренные, разграбленные, поруганные монастыри! Уцелевшие иноки смиренно взяли каличий посох и, мирским подаянием кормясь, отправились в недоступные для огня и меча северные земли...

Долог и тернист был путь по езжалым дорогам и нехоженным тропам, многие из странников занедужили и рассеялись по встречным селениям. И лишь Господу ведомы имена старцев и юных, упокоившихся навеки под придорожными поклонными крестами...

Но остальные, ведомые наитием Святого Духа, шли дальше и дальше — от зарева пожарищ агарянского безбожного разорения.

Однажды среди дремучих лесов чуть ли не на краю света открылась нескольким из таких иноков большая озерная гладь с каменистыми грядами над водой. Самое обширное из каменных возвышений дна — целый остров — привлекло их внимание. И неспроста: древние пустынники точно избирали места своего поселения и в выборе руководствовались вовсе не суетной пользой удобств проживания и пропитания. Чуткие и истонченные непрестанной молитвой, их души безошибочно узнавали в незнакомых доселе местах, на потаенных островах святости — неведомые, нематериальные силы, восходящие от земли к небесам! И открывшаяся инокам спокойная водная гладь, и протянувшаяся далеко в озеро каменистая отмель из мелких булыжников и крупных валунов, названная ими позднее островом Каменным, — все это стало для них землей обетованной, градом духовным, русским «пешешествующим Израилем»...

Так в XIII столетии в глубине северной страны русских земель, среди дикой корелы и чуди белоглазой собралась и обосновалась одна из первых общин христианских пустынников.

II

Княжество Белоезерское, расположенное на берегах Кубенского озера, не принадлежало к числу благодатных уделов. А потому, после мученической кончины плененного татарами на реке Сити (1238 г.) Святого благоверного князя Василька (Василия Константиновича Ростовского), именно младшему сыну его двухлетнему Глебу по принятому «лествичному» порядку наследования достался меньший и худший, но к тому времени самостоятельно сформировавшийся Белоезерский удел.

Войдя в лета, молодой князь Глеб не пустился перекраивать священную волю святого-мученика отца, а смиренно принялся за благоуукрашение унаследованной им земли и немало в том преуспел. Будучи данником татар, он не щадил сил для избавления своих подданных от притеснений, не гнушаясь даже ради облегчения их участи угождать язычникам, подобно всем разумным русским удельным правителям того времени. Летописец так и сообщает: «...от юности своя по нахожденьи поганых татар нача служити им, и многи хрестьяны обидимыя от них избави». Кроме качеств мудрого политика, летопись указывает и на другие положительные стороны характера князя и рисует его перед нами человеком благочестивым, любителем церковного благолепия, добрым, милостивым и щедрым. «Многу милостыню убогим и нищим и странным подаваше... и многи церкви созда и украси иконами и книгами... и священнический и иноческий чин зело почиташе».

Дополняет образ князя Глеба Васильковича летописное свидетельство об устройении им первых на северных землях каналов в 1278 г., после чего спрямленные русла рек Вологды и Сухоны стали называться Князь-Глебовыми простями, прямизнами.

Одним словом, не каждый древнерусский князь предстанет перед нами с летописных страниц таким радетеlem о благе своего удела, каковым являлся Глеб Василькович Белоезерский: по кончине своей сорока лет от роду оставил он по себе добрую славу в памяти потомков, происшедших от него известных княжеских фамилий Белосельских-Белозерских, Вадбольских и Ухтомских.

Под властью первого Белоезерского князя находились также и Вологда, и Устюг — крупные по тем временам и далеко отстоящие друг от друга города, успешное управление которыми требовало постоянного княжеского попечения. Нередко, облекшись в дорожные ризы, князь Глеб отправлялся в многоверстные, полные опасностей путешествия...

Так, летом 1260 г. снарядили белозерцы княженецкие струги на нелегкое плавание в далекий Устюг. Помолясь, отвалили. Стаей белых лебедей понеслись изящные ладьи по волнам Белоозера. Рекой Прозовицей спустились к Кубенскому озеру, всю ширь которого предстояло переплыть. И совсем было решились вырваться из спокойных речных берегов на широкую озерную гладь, да старые корабельщики отсоветовали: засвежело. И оказались правы. Десятидневной погибельной для утлых кораблей бурей обернулась легкая свежесть ветра. Во всю ту непогоду пришлось князю, «болярам» и отрокам его праздно простоять в устье Прозовицы, глядя на расхолодившееся

озеро. Только на одиннадцатый день ветер стал стихать. Обрадовался князь и, не слушая больше осторожных стариков, приказал плыть по еще бурлящим волнам.

Все шло благополучно, пока не доплыли до самого глубокого и опасного из-за обилия каменистых гряд места, называемого Карачаевой пучиной. А там «по устроению Божию воздвигнется туча сильна от западных стран с ветром велием и громом страшным, и молниями зельными, яко княжиим насадам покрыватися волнами». Разметало корабли путешественников, разлучило храбрых корабельщиков: кого потопило, кого невесть куда унесло. А побитый о камни княжеский струг с горсткой насмерть перепуганных людей, сбившихся под хлопающими обрывками паруса, — кидало, кренило и заливало немилосердными волнами вновь проснувшегося стихийного буйства. Никто уже не мог ничего сделать; каждый держался, лишь бы не быть смытым. В бессилии своем перед Господними силами и последний гребец сравнялся с государем-князем своим. Оставалось только молиться, молиться горячо, истово и не книжными словами давно известных канонических молитв. Князь почувствовал, что вершится воля Божия. Приподнявшись над кормой, медленно осенил он себя широким двоеперстным крестом и, как ему показалось, прокричал:

— Господи Царю Небесный, в руке Твои предаюсь, но прибьет берегу... обитель святую!..

Следующий оглушительный раскат грома совпал с треском днища корабля, сильнейшей волной выброшенного на валуны Каменного острова. Еще хватило сил выбраться из струга на холодный и мокрый песок... А там лишь смутно виделись спасенным странные бородатые мужи в истрепанных длинных одеяниях — уж не скорый ли помощник всех плавающих Святой Никола-угодник с небесными заступниками?

Но то были двадцать три кубенских отшельника, направлявшиеся сквозь дождь в свою убогую часовню на праздничную молитву в день славного Спасава Преображения.

К вечеру скупые лучи августовского солнца озарили тихое озеро, посреди которого на Каменном острове белозерский властитель с кубенскими отшельниками молился об утопших братиях и готовился продолжить свой далекий путь.

После этого чудесного спасения в том же 1260 г. на острове, где еще недавно не было и церкви, по княжескому указу рубится небольшой Спасо-Преображенский храм и келии. Возвратившийся вскоре на остров князь Глеб с архиереем, большой духовной и светской свитой вручил рябиновый посох одному из пустынников — «богобоязливу» старцу Феодору, первому настоятелю новоосвященного Спасо-Каменного монастыря.

Так монастырь обрел в лице князей Белозерских щедрых благодетелей и деятельных покровителей. А потянувшиеся в новоучрежденную обитель богомольцы по всей Руси разнесли весть о новом святом месте — Спасе-на-Каменном.

III

Через сто лет, когда прослыл своим благочестием и укрепился отстроенный на высоких бревенчатых ряжах деревянный монастырь, случилось в его истории важное событие. Несколько кубенских иноков — последователей первых пустынножителей отправились в далекий град Москву просить великого князя Дмитрия Иоанновича Донского назначить игумена во вдовствующую Спасо-Каменную обитель.

Не провинившегося святошу, и не знаменитого церковника, и не священноинока из многочисленных московских монастырей замыслил поставить на такое послушание великий князь. Выбор его пал на особенного человека.

В скромной келии Богоявленского монастыря (Китай-город) уединенно жил в то время иеромонах Дионисий. Известно было, что некогда он подвизался на Афоне, где и принял пострижение; затем — странствовал. Но никто не ведал: зачем этот таинственный подвижник пришел из дальнего Царьграда и о чем вел с ним долгие беседы князь Дмитрий Иоаннович. И лишь по тому, что именно святогорец отправляется начальствовать над спасо-каменской братией, возможно было предположить, какие высокие замыслы относительно жизни северной обители замыслили осуществить два собеседника — правитель московский и будущий святитель православной русской Церкви.

При игумене Дионисии на рубеже XIV и XV веков начинается время особого процветания обители. Украшаются церкви Спасо-Каменного монастыря. Вводится суровый афонский устав. Но это не отпугивает, а умножает число братии, привлеченной духовной красотой строгой подвижнической жизни: устав Святой горы создавал все условия для сосредоточенного богомыслия, постоянной молитвы и спасительного самоуглубленного созерцания. Так по воле отца Дионисия протянулась связующая нить между заоблачной высью Святой горы Афон и затерянным в глубине северной земли островком среди волн кубенских.

Более двадцати лет игумен Дионисий Грек управлял обителью.

Спас-Каменный в эти годы — колыбель нестяжательского монашества и прообраз целого ряда подобных по духу монастырей в окрестных землях. От Дионисия приняли пострижение и отеческое руководство Дионисий Глушицкий, Александр Куштский и другие русские светильники.

В 1418 г. игумен Дионисий был вызван в Москву и хиротонисан в архиепископа, став первым архиереем из Заволжья. В монастырь он более не вернулся, его поставили на Ростовскую кафедру, где вскоре бывший кубенский игумен прославился благочестием и многими чудесами.

Спасо-Каменный монастырь хранил о нем добрую память. Преемники игумена-святогорца продолжили благоустройство обители. А монастырский устав хотя и ослаб впоследствии, но сохранил основные свои строгости, в числе которых, как и на Афоне, было даже запрещение женщинам посещать сам остров, что сохранялось до 1774 г.

Пятым после Дионисия Грека настоятелем Спасо-Каменного монастыря стал местночтимый кубенский подвижник преподобный игумен Кассиан. Еще будучи молодым, в начале XV столетия принял он ангельский чин на Каменном, но потом перешел в Успенскую обитель, расположенную на берегах Сиверского озера. В 1445 г. он уже Кирилло-Белозерский игумен и значительный церковный деятель, известный даже в Москве. По благословению первого святителя Ионы — митрополита Московского и всея Руси именно он был послан великим князем Московским Василием Васильевичем Темным в недружественный Царьград для устройства разных церковных дел. По возвращении своем в начале 1450-х гг. Кассиан узнал, что братия Кирилло-Белозерской обители в его отсутствие почти полностью разрушила заповеданный ей устав. Игумен Кассиан не пожелал вновь войти в некогда любимый Кирилловский монастырь.

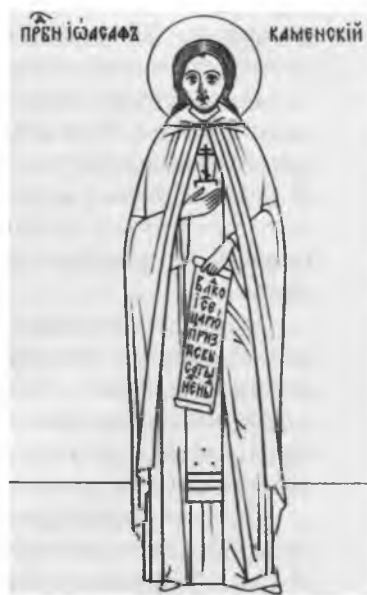
В уважение заслуг и трудов и в соответствии с высоким духовным саном ему благословлено было тогда начальствовать над спасо-каменскими насельниками. В их обители и прослужил он настоятелем до самой кончины своей, последовавшей около 1463 г. «И положено бысть тело его с полуденной страны церкви и по преставлении его просветися лице его аки солнце...»

IV

Обильные духовные плоды возросли на монашеской ниве Каменного острова в XV веке. Именно тогда, в 1450-е годы, подвизался здесь самый почитаемый и наиболее известный кубенский святой князь Андрей (в иночестве Иоасаф). Детство его прошло здесь же, на реке Кубене.

...На высоком берегу этой северной реки в деревне Чирково еще и сейчас стоит превращенная в магазин каменная Дмитриевская часовня. В 40-е годы XIX века она была сооружена взамен деревянной старинной, обозначавшей место престола одноименной церкви, в первой половине XV столетия возвышавшейся меж теремов удельных князей Заозерских — владельцев северо-восточных берегов Кубенского озера. Придворный княжеский храм был освящен во имя святого великомученика Димитрия Солунского — небесного покровителя князя Димитрия Васильевича Меньшого, последнего самостоятельного правителя этих земель. Княжич Андрей был младшим из четырех детей его.

В те времена молодых князей с детства окружала обстановка лихих военных набегов, охотничьих забав и шумных пиршеств. Но иную судьбу избрал себе юный Андрей Дмитриевич, с детства видевший благочестивые дела своих родителей, особенно почитавших иночество. Именно эта небогатая

Преподобный Иоасаф
Спасокубенский (†1453 г.)

княжеская чета его родителей как могла устроила Глушицкую и Куштскую обители, не забывали они и о Спасе-Каменном...

Но не сподобился князь-благотворитель Дмитрий Васильевич желанной мирной кончины. Он был убит в 1429 г. в Ярославле во время набега казанских татар.

Обрушившиеся на его семью последующие испытания уничтожили самостоятельность Заозерского удела и постепенно вовсе свели с политической арены саму отрасль этих ярославских князей. По прошествии некоторых лет занемогла и умерла его супруга. Последовали и новые бедствия: родственник князь Дмитрий Юрьевич Шемяка в очередной раз начал междоусобную борьбу с великим князем Московским Василием Васильевичем, за что был лишен своих московских владений. Опала та распространилась на всех, даже на отдаленных его сродников. Коснулась она и Заозерского княжества, которое поделили между ставленниками московского правителя, — князьями Михаилом Андреевичем Можайским и Иоанном Андреевичем Верейским. А дети князя Дмитрия Меньшого остались и вовсе безудельными. (Потомки князей Заозерских впоследствии при Московском дворе прозывались князьями Кубенскими!)

После таких испытаний малолетнему князю Андрею Дмитриевичу, лишившемуся близких, покровителей, сподвижников, богатств и приобретшему лишь могущественных врагов, — оставался один путь: под клобук. И благочестивый духовный взор юноши обратился прочь от страшного и суетного мира, в келейную тишь и церковный молитвенный сумрак, на Каменный остров, где можно отрясти от усталых ног прах горящей родной земли...

В таком пылающем горнем устремлении не как князь и вчерашний властитель, но как смиренный паломник подошел под отеческое благословение преподобного игумена Кассиана отрок Андрей. Настоятель не спешил с ответом на слезную мольбу юноши о постриге, но, следуя долгу христианского пастыря и чувству осторожного политика, принял под свое покровительство опального князя, оставив в монастыре на правах послушника.

В положенный срок искуса благородный отрок мог сам воочию убедиться в скудости монастырского быта и трудности жития на Каменном острове. И уже не бегущее от несправедливости мира экзальтированное детище, но умудренный ранними невзгодами молодой духовный трудник принял иноческий постриг от игумена Кассиана.

Нового брата в знак высокого его происхождения нарекли во иноках Иоасафом в честь святого преподобного Иоасафа, царевича Индийского. Не случаен был выбор и духовного наставника, которым стал умудренный и образованный старец иеромонах Григорий. А после скорой кончины старца окормление инока Иоасафа продолжил сам игумен.

Духовные семена падали на благодатную почву. Принимая премудрость усердных наставников, исполнялся высоким духом северной нестяжательной святости молодой «Иоасаф-царевич», прозванный так простоватыми братьями-монахами — вчерашними крестьянами, оказавшимися Божиим волеизъявлением на равных со смиренным господином своим.

Несколько эпизодов особенно ярко характеризуют подвижничество Спасо-Каменского чудотворца.

Однажды в далекий монастырь на богомолье приехал молодой дядюшка инок Иоасафа князь Борис Васильевич Ржевский. Он посетил немало северных обителей, повидал богатые и скудные. Но плачевное убожество Спаса-на-Каменном, разыгравшаяся непогода на озере и до неузнаваемости изменившийся племянник — отрешенный юноша с неземным взглядом — произвели на него удручающее впечатление. Во время длительных монастырских служб не раз обращался князь к молитвенной мысли как-то благодетельствовать сирую обитель. А когда по окончании молебна было провозглашено уставное многолетие высокому гостю «Благоверному государю князю Борису» и под затейливый, но унылый звук клепала братия и богомольцы отправились из храма, князь Борис остановил брата Иоасафа. Не зная, как приступить к исполнению своего благочестивого замысла, он попросту предложил племяннику взять денег, что ли, для братии, сколько ни пожелают.

— Злату и серебру — несть нам треба, — просто ответил инок и попросил дядюшку раздать деньги нищим, сиротам и вдовицам.

Преподобный Иоасаф является одним из редких русских святых угодников, кому являлся Сам Спаситель. На этот сюжет в XVIII в. была даже написана особенная икона, сопоставляя изображение на которой с описанием жития, можно попытаться воссоздать обстановку этого чудесного явления.

...Как и вчера, и позавчера, глухо шумели волны Кубенского озера за стеною незамысловатой кельи. Во тьме еле теплилась лампада пред образом Вседержителя. А преклонившийся инок вполголоса, но внятно и одухотворенно вычитывал давно известные, ставшие родными и утешительными слова молитв вечернего правила. В этот вечер особенно хорошо ему было совершать свою келейную молитву: словно неведомая неземная сила вселилась в него после причащения Святых Таин за литургией и уже не покидала, не затихала в ослабленном постом и болезнями теле юноши. С особенным воодушевлением молился молодой инок. А когда он, возвысив голос, стал торжественно в ночной тиши стихословить псалом, тихий свет вдруг осиял келью! Исчезли вечерний сумрак, бревенчатые стены, глухое озеро — все отодвинулось, потонуло в неведомо откуда пролившемся невестественном сиянии, из недр которого изумленный Иоасаф услышал тихие слова:

— Мир тебе, возлюбленный сродник мой!

Изумленный юноша не поверил своим ушам: уж не наваждение ли? Но от того, как легко возделась дрожащая длань для крестного знамения, рассеялись сомнения и все житейское, земное, тленное, потонув в светозарных лучах, объяввших инок. И, не колеблясь больше, спросил Иоасаф:

— Я — раб Твой. Какая причина явлению Твоему, Господи человеколюбче?

Вырвался источник святости, связуя небеса и грешную землю: бысть глас ко угоднику! Спаситель обещал ради него одного наполнить окрестности Спасо-Каменного монастыря множеством подвижников. А на вопрос,

как избежать сетей вражиих и противостоять погибели спасения ради, — отвечал:

— Вера и исполнение заповедей Божиих.

Этим и жила вся Северная Фиваида до самого своего подневольного разорения.

Той ночью в середине глухого XV столетия сподобившийся чудесного явления юный князь Андрей-Иоасаф уже и не молился даже, а просто духовно ликовал, как ни одному смертному не доводилось. И лишь первые лучи показавшегося из-за озера солнца, пройдя сквозь тесное оконце кельи, пробудили от легкой дремы коленопреклоненного юношу с улыбкой на озаренном лице.

Эту чудесную беседу он хранил в тайне и открыл лишь отцу духовному игумену Кассиану, благодаря которому красивое предание увековечилась.

Скудные исторические сведения о Преподобном не донесли до нас упоминаний и о том — вероятно, неизлечимом — недуге, что наложил неотмирную печать на молодого инок. Шестнадцати лет от роду он почувствовал приближение кончины и удалился в затвор. Призвав игумена Кассиана с братией и завещав им нерушимое соблюдение общежительного устава обители, он мирно почил в Бозе «месяца септембрия в десятый день».

Хронология жизни св. прп. Иоасафа весьма туманна и запутана. Называются несколько дат кончины в 50–60-х гг. XV века, из которых, по нашему мнению, ни одну нельзя считать достоверной.

Останки его в особенной раке братия установила в древней деревянной Успенской церкви. Многие богомольцы потянулись в монастырь почтить его память. А иные из них, много лет недугующие и уже не надеявшиеся на исцеление, — чудесно выздоравливали. Это были люди самого разного состояния и звания, несть им числа! Да и кто бы взялся составлять тогда списки? Достаточно назвать лишь некоего Тимофея, излечившегося от лихорадки, и немого от рождения пятнадцатилетнего князя Романа Иосифовича Дорогобужского, обретшего «дар языка» перед мощами преподобного Иоасафа...

Таким образом возникло почитание нового угодника сперва только братией монастыря, а потом по всей Кубенской земле. И, наконец, в XVI в. день его преставления был внесен в общерусские святцы.

Тогда же неизвестным спасо-каменским монахом было составлено «Житие и похвальное слово Преподобному Иоасафу Каменскому». Творением того же инок, вероятно, является и служба местнопочитаемому святому, где в затейливой поэтической форме мелодичных стихов праздничных тропаря и кондака так характеризуется жизнь подвижника: «...яко леторасль живоносная в вертограде Церкви Божия процвел еси, Блаженне Иоасафе, плоды добродетелей возвращая и души верующих питая...»; «...яко черпалом златым от кладезя неископанного, чудес почерпал еси от источника неистощимаго...».

Автором жития явился еще один выдающийся пострижник этого монастыря — «благоговейный старец» игумен Паисий Ярославов, духовный писатель XV столетия. Оставив посох Троице-Сергиевского настоятеля и отклонив предложение об архиерействе, исходившее от кума его великого князя Московского Иоанна Васильевича (Третьего), он удалился житель-

ствовать на место пострижения, где в милом сердцу северном крае смог предаться духовным устремлениям нестяжательства. Наравне со знаменитым своим учеником святым преподобным Нилом Сорским, отец Паисий стал основоположником этого церковного течения, своеобразным «патриархом заволжских старцев». Предпринял он и разыскания исторических сведений о своей каменной пустыни, результатом чего и явился дошедший до нас труд, позднейшее название которого говорит само за себя: «Сказание известно о Каменном монастыре и о первоначальниках того монастыря от приснопамятного старца Паисия святого Ярославова. Той собра от многих от старых книг после пожара Каменского монастыря».

Материалом для составления жития послужили изустные предания старцев, а также оригинальное церковно-археологическое сочинение из истории обители — не будь которого, молчаливы были бы камни Кубенского острова...

Издrevле на Руси в народном сознании судьба каждого дома связывалась с судьбой его святыни. Какова же была судьба святыни Спасо-Каменного монастыря — цельбоносных мощей Кубенского князя-инока?

Опустошительный пожар, случившийся 3 сентября 1472 г., уничтожил весь деревянный монастырь, но пощадил небольшую часть спасо-каменской святыни. Остатки св. мощей собрал устюжанин старец Мартиниан (Соколов) и, вложив их в особенный ковчежец, поместил под престолом восстановленной деревянной Успенской церкви. Позднее, взятые из ковчежца, частицы были заделаны в обложенный серебром трипядный крест.

В 1650 г., когда князь-инок уже около века почитался святым, архиепископ Вологодский и Великопермский Маркелл благословил архимандрита Спасо-Каменного монастыря, тоже Маркелла, устроить в Спасо-Преображенском соборе особенную раку для пощаженных огнем остатков святыни, на которую был бы возложен и упомянутый крест. А когда окруженный со всех сторон водой монастырь погорел еще раз в 1774 г., да так, что его упразднили, — то монастырская святыня переместилась в Свято-Духовский собор другого монастыря на окраине Вологды, который, после перевода в него погорелой братии, получил в 1775 г. название Спасо-Каменного Духова.

Возрожденному Спасу-на-Каменном его историческое наименование и святыня были возвращены лишь в 1892 г. Мощи, сохраняемые в ковчеге, поместили тогда под спудом в приделе во имя Чудотворной иконы Божией Матери «Утоли моя печали» монастырской теплой церкви.

Святыни пережили и разорение монастыря в советское время, сохранившись тогда в алтаре церкви Рождества Богородицы кафедрального Лазаревского храма города Вологды.

V

Во все времена на поклонение святыням Спасо-Каменного монастыря среди сотен паломников приходили значительные люди земли Российской.

Так, при игумене Евфимии в 1447 г. монастырь посетил развенчанный Московский великий князь, а тогда князь Вологодский Василий Васильевич Темный с супругой Марией и детьми. Особенно усердно на могиле един-

ственного тогда почитаемого спасо-каменского угодника преподобного Петра-чудотворца молился он о возвращении своем в престольный град. Именно здесь, в Спасо-Каменном монастыре, получил несчастливый государь радостную весть, что многие князья и бояре собираются в Вологде на помощь ему, желая восстановить его на великом княжении. В знак глубокого почтения украсил знатный богомолец место своего благовестия ценными дарами: преподнес образ Божией Матери Одигитрии и икону «Спас Эммануил», привезенную из Царьграда еще деду его — великому князю Московскому Димитрию Иоанновичу Донскому. Эти древние иконы, вероятнее всего, сгорели в огне первого (1472 г.) опустошительного пожара, так как монастырская опись 1670 г. их уже не упоминает. Предполагается, что вкладом великого князя Василия Темного является и большая серебряная панагия с образом Вознесения Господня на лицевой стороне, попавшая после 1774 г. в вологодский Спасо-Каменный Духов монастырь и сохранившаяся поныне в фондах Вологодского областного краеведческого музея.

В 1455 г. пятнадцатилетний сын Василия Темного великий князь Иоанн Васильевич, соправитель Московского государя, посетил Спасо-Каменный монастырь и разделил трапезу с игуменом и братией. Тогда же по воле великой княгини Марии к монастырю была приписана основанная святым преподобным Дионисием Глушицким Никольская обитель на Святой Луке. А великокняжеские вклады умножились иконой Деисуса дионисиевой работы от другого государева сына — князя Андрея Васильевича Углицкого.

В декабре 1528 г. вновь игумен с братией благовестом встречают высоких гостей. Великий князь Московский Василий Иоаннович с супругой своей великой княгиней Еленой Васильевной (урожденной Глинской), с молитвою о чадородии совершая паломничество по Белозерским святым местам, посетили и Спасо-Каменный монастырь и пожаловали на замену наскоро восстановленной после пожара деревянной Успенской церкви — на каменный теплый храм с трапезной — целых «шездесят рублев денег». Молитвенная цель северного богомолья великокняжеской четы была достигнута: через два года неплодие княгини разрешилось рождением сына, нареченного Иоанном и получившего впоследствии прозвание Грозного Царя!

Памятуя о святых местах, где было вымолено его появление на свет, Иоанн Грозный также путешествовал по вологодским монастырям в мае-июне 1545 г. Но, будучи в семи верстах от Спаса-на-Каменном, в селении Устье, Иоанн Васильевич монастырь так и не посетил, — может быть, по причине непогоды на озере. Лишь шестнадцать лет спустя после этой поездки украсил он монастырскую звонницу обители своим царским усердным знаком: большим колоколом, отлитым московским мастером Лукой. Во время второго пожара 1656 г., от которого пострадала, в основном, Успенская церковь с колокольной и звонницей, этот колокол расплавился. Архимандрит Евфросин отправил «горелую медь» в Москву, где из нее отлили новые колокола.

17 июня 1870 г., следуя через Кубенское озеро к Вологде, а оттуда — в Архангельск, попутно посетил восстановленную под названием Спасо-Преображенской Белавинской пустыни обитель великий князь Алексей

Александрович, четвертый сын императора Александра II Освободителя. Встреченный на пристани высокий гость приложился к кресту, был окроплен святой водой и под звон во все тяжкие и монашеское пение тропаря проследовал в главный Спасо-Преображенский собор. Там после молебна, который приказано было свернуть «побыстрее», великий князь Алексей Александрович поклонился пустующей раке святого преподобного Иоасафа, не мешкая спустился в нижний этаж, где почтил память святого блаженного Василия, обозрел внутренность храмов «даже в св. алтарях» (как отметили в неофициальном отделе «Вологодских епархиальных ведомостей»), а затем, принятый в настоятельских келиях, изволил осведомляться о разных исторических обстоятельствах обители, — и уже через час продолжал свой путь. Пустынь на прощание получила дар: переданную через генерал-адъютанта Посыета «екатериновку».

VI

В продолжение двух первоначальных веков ее обозримой истории скромная северная обитель, имевшая две церкви — главную Спасо-Преображенскую и Успенскую, была полностью деревянной. Именно в таком деревянном монастыре подвизались все спасо-каменные святые, и именно такую обитель посещали первые высокопоставленные богомольцы.

Представляющий ныне столь плачевное зрелище бесформенных руин, Спасо-Каменный монастырь был когда-то строением благолепным.

Пожар 3 сентября 1472 г. уничтожил все монастырские строения с их внутренним убранством. Усугубился он сильнейшей бурей на озере, в волнах которого погибли многие насельники, пытавшиеся спастись от всепожирающего пламени. После этого бедствия монастырских скудных средств хватило едва лишь на скромное восстановление малой деревянной Успенской церкви.

Но на пятый год после пожара, в 1478 г., по повелению князя Вологодского, Кубенского и Заозерского Андрея Васильевича Меньшого — младшего брата великого князя Московского Иоанна Васильевича — в убогом Спасо-Каменном монастыре закладывается главный каменный Спасо-Преображенский собор, ставший тогда первым монументальным храмом северных земель. Собор строился безвестными ростовскими зодчими. Удельный князь не считался с затратами средств в этом благочестивом строительстве, и потому новый собор имел некоторые особенности. К примеру, стены его были сложены не из белого камня, как то было принято, а из надежных плинф тверского кирпича. Белый же камень пошел на отделку деталей, для чего возили его аж из самой Старицы на Волге. В 1481 г. строительство было завершено, и собор освятили.

Триста двадцать лет простоял он в своем первозданном великолепии. И лишь в 1801 г. коснулось этого древнего сооружения модное, но достойное «лучшего» применения неумное стремление к архитектурному украшательству. Были сделаны каменные пристройки для придельных престолов

и паперти, столь уродующие мелкими членениями монументальные стены. А также добавились четыре малые глухие главки — бесполезное украшательство, увы, столь характерное для вкусов XIX столетия, следы которого Спасо-Преображенский собор носил до самых своих последних дней.

В 1930-е гг. этот некогда благоукрашенный главный монастырский храм, место упокоения святых кубенских подвижников и уникальный памятник русской архитектуры конца XV столетия, — а тогда всего лишь никому не нужную заброшенную «церкву-развалюху» — по решению местных властей, изрядно постаравшись, взорвали динамитом, дабы специально привезенный шестьсот лет назад тверской кирпич пустить на строительство колхозных амбаров и свинарников. Но тщетными оказались варварские усилия: ни одного целого кирпичика не удалось отколоть от гигантских циклопических обломков старинного собора, превращенного взрывом в монолитные глыбы.

С тех пор на забытом каменном острове так и находятся вместо Спасо-Преображенского собора его бесформенные останки — своеобразный памятник вредительского тщания «неверных человек», вознамерившихся вмиг распылить усердное мастерство старорусских зодчих и вековую молитву боговейных иноков...

Несмотря на такую печальную судьбу главного монастырского собора, целому ряду предметов, составляющих некогда его убранство, удалось сохраниться до наших дней. Это, прежде всего, комплект евхаристических сосудов, изготовленный специально для нового каменного Спасо-Преображенского собора ко времени его строительства по повелению князя Андрея Васильевича Меньшого. Украшенные надписями серебряные потир и дискос хранятся ныне в Вологодском областном краеведческом музее. Там же находится и большая артосная панагия, упомянутый уже несколько выше и предполагаемый вклад Василия Васильевича Темного. Этим древним предметам удалось уцелеть благодаря перенесению всего убранства Спасо-Каменного монастыря в Вологду после третьего пожара 1774 г.

В Москве, в Государственном Историческом музее, тоже есть предметы, находившиеся некогда в обители на Каменном острове. Там, например, хранится кадило 1597 г. со звездчатой крышкой о восемнадцати гранях, представляющее собой весьма редкий образец, выполненный в некогда модном

«шатровом» стиле. Наверняка, и еще где-нибудь в музейных запасниках отложились старинные вещи — свидетели процветания благоуукрашенного острова русской Северной Фиваиды.

Второй монастырский храм — малая Успенская церковь — отстроился в камне на семьдесят лет позже главного собора. Повеление о строительстве нового храма с трапезной и первоначальный денежный вклад сделал Великий князь Московский Василий Иоаннович во время своего посещения монастыря в декабре 1528 г. Выполнить государево повеление удалось лишь при новом правителе — Грозном Царе в 1543–1549 гг. Начал строить этот храм зодчий Пахомий Горяинов, а заканчивал — Григорий Борисов, крупнейший русский архитектор первой половины XVI века, возводивший трапезные храмы многочисленных монастырей Белозерья.

Новый трапезный храм получился столпообразный, с высокой колокольной, со звоном — над алтарем, престол которого был традиционно освящен во имя Божией Матери Успения; с запада к храму примыкала трапезная палата. Он сильно пострадал от второго, менее значительного монастырского пожара 24 августа 1656 г., когда, как писал келарь иеромонах Феодосий, «... и образы погорели, и церковные помосты обвалились, и своды каменные... нарушились и колокола разлились». Но каменное строение не сгорело полностью, а потому уже к 1670 г., хотя и скудно, но храм был восстановлен. Вероятно, именно тогда в измененном, по сравнению с первоначальным замыслом, виде была сделана глава, венчающая колокольню и поныне.

В традиционном посвящении Пресвятой Богородице была восстановлена эта церковь и при возобновлении монастыря в 1801 г. Но новый пожар, случившийся через полвека, в 1850 г., истребил ее внутреннее убранство. Ее главный престол был восстановлен уже как придел так называемой теплой церкви и посвящен Чудотворному образу Божией Матери «Утоли моя печали».

В советские времена Успенскому храму — памятнику архитектуры середины XVI в. — «повезло» больше, чем главному собору: его не стали взрывать «на кирпич». Но брошенная в небрежении старинная постройка постепенно разрушалась, — присматривали лишь за прочностью стен колокольни, так как установленный на ней огонь маяка превратил древний монастырь в этакий восстающий из пучины волн путеводный Фарос для терпящих бедствие кубенских рыбаков.

Кроме этих двух храмов, в 1558 г. была построена в монастыре и третья

каменная церковь над святыми воротами обители, бывшими на восточной стороне Каменного острова. Посвящена она была Усекновению главы святого пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна — в честь небесного покровителя царя Иоанна Васильевича Грозного, — но ничем особенным не отличалась. Она не восстанавливалась вместе со всей обителью в 1801 г. и была окончательно разобрана в 1813 г. Так в результате пожаров избылась в обители память о Грозном Царе.

VII

Удаленность Спасо-Каменного монастыря и уединенное его положение на острове посреди озера позволили использовать его не только для иноческих подвигов, но и как духовную темницу. В старые времена здесь томилось немало неугодных церковным властям людей, были тут смиряемы и князья церкви, и яростные ревнители древлеотеческой веры.

В 1520-е гг. попал сюда извергнутый из епископского сана инок Варсонофий, бывший смоленский владыка, связавшийся с ляхами и — вероятно, из симпатий к ним — пустившийся на дерзкую авантюру. Он сперва был активным сторонником сдачи Смоленска без боя войску великого князя Московского Василия Иоанновича. А когда город был все-таки сдан, спустя всего месяц (8 сентября 1514 г.) возглавил злодейский мятеж смолян против государя. Ничем хорошим это не кончилось: главари изменников были повешены на городской стене. Мятежный епископ препровожден в ставку великого князя в Дорогобуже, лишен сана и сослан до конца жизни в Спасо-Каменный монастырь.

Во второй половине XVI в. под иноческим клобуком в «безвестии скончал» свои дни на Каменном острове и другой несчастный владыка — бывший архиепископ Полоцкий Арсений (Шишка).

А в один из августовских дней 1653 года, вскоре после монастырского праздника, довелось Спасо-Каменной обители принять особенно знаменитого узника.

Внешность этого бородастого человека, одетого в скромную черную рясу, была обыкновенна: отсутствовали какие-либо явные атрибуты высокого отличия, — и лишь в горящем взгляде умных очей угадывался характер яростного и гордого взыскателя истины.

Когда конвоируемый вооруженными стражниками бодрый шестидесятидвухлетний старец ступил на землю Каменного острова, настоятель монастыря архимандрит Александр встретил его с крестом и святой водой как высокопочетного гостя, втуне трепеща во время уставного лобзания с пришельцем, о котором ходило столько слухов. Шутка ли, в Спасо-Каменную обитель был прислан первый и значительный противник соборного исправления церковно-богослужебных книг и обрядов, бывший настоятель московского Казанского собора, запрещенный в служении протопоп Гавриил (Иоанн) Неронов!

Некогда приближенного к царю Алексею Михайловичу церковного деятеля, сподвижника будущего патриарха на первоначальном этапе цер-

ковных реформ, а затем серьезнейшего противника святейшего Московского и всея Руси владыки Никона (Минова) на основании правила «аще кто из клира досадит епископу да будет низвержен» осудили соборно в июле 1653 г. Потом сослали, жестоко били, лишили скуфьи, а 4 августа того же лета и вовсе отправили из московского Симонова монастыря в далекий Спасо-Каменный «под крепкое начало».

Известность о. Неронова была столь велика, принадлежность к самым высшим церковным кругам столь определена, что казалось всем, — опале его долгой не быть. Потому и устроил ему торжественную встречу спасо-каменный архимандрит Александр, надеясь и на свое скорое в царствующем граде возвышение, а то и на самое архиерейство.

Встречей не ограничилось убажение знаменитого протопопа. Узник — «сей муж воистину желаний духовных, присланный от святителя патриарха с приставом... под начало» — по благословению настоятеля чествовался выше келаря. Ему была отведена отдельная келья со слугой-послушником, положены прибавочный харч и квас, а в церкви — прислан от архимандрита новый войлок под ноги. Символическим духовником к московскому витии был приставлен тихий и полуграмотный старец иеромонах Григорий, предпочитавший ни во что не вмешиваться. Еще было разрешено состоять в качестве писца при о. Неронове его ученику, Златоустовского московского монастыря игумену Феоктисту, также сосланному на Кубену. Написанное им по поручению своего духовного наставника письмо в Москву, а также послания самого протопопа Гавриила Неронова позволяют представить себе обстановку их спасо-каменского заточения.

Приторные почести, оказываемые монастырским начальством, удивляли, а порой и раздражали о. Неронова. «Не на честь, рече, аз к вам прислан от святителя патриарха в монастырь, но под начало, — велено мне быть в хлебне и мука сееть, и ходить в черных службах...» Но ничто не изменялось в почетном захоластном затворничестве маститого протопопа.

Вскоре узник освоился со своим особенным положением и рьяно принялся за дело. Ночи напролет при тусклом свете лучины в убогой келейке далекого северного монастыря он диктует, правит, пишет сам, перечитывает и размышляет, отрешенно глядя в никуда — мимо образа, мимо стен кельи, сквозь отбивающего в углу поклоны «духовника» старца Григория, в какую-то лишь ему ведомую горнюю даль. Так создавались его гневные, обличительные, пестрящие цветами церковные послания к покровительствовавшей раскольникам царице Марии Ильиничне, к посреднику между раскольниками и патриархом царскому духовнику протопопу Стефану Вонофатьеву и даже к самому Московскому царю.

И на Каменный остров, в убогую келью о. Неронова, вереницей потянулись подозрительные личности: «богомольцы, многих градов люди и дворяня», которых опальный протопоп принимал, благословлял, наставлял, отсылал с поручениями по градам и весям. Через них наладилась связь и с единомышленниками — небезызвестным протопопом Аввакумом Петровым; сподвижником и учеником священником Казанского собора о. Иоанном Даниловым, — грамотки от которых достигали Каменного. Шли месяцы,

В результате происков всесильного вершителя церковных дел архиепископа Феофана (Прокоповича) владыка Георгий был лишен архиерейского сана и, переведенный из харьковского монастырского заключения, 28 декабря 1730 г. был упрятан под усиленный надзор в такое место, откуда не мог более быть опасным: в Спасо-Каменный монастырь.

Здесь в феврале следующего 1731 г. инок Георгий принял схиму с именем Гедео́на.

Но такое смирение бывшего архипастыря только придало ему в глазах народа ореол мученичества за веру, — и, содержащийся как государственный преступник, он, однако, пользовался теперь особенным почетом со стороны братии и богомольцев, считавших его не простым схимником, но архиереем в схиме. Многие приходили к нему за благословением и разносили молву по Руси о невинно страждущем старце Гедео́не.

Слухи эти встревожили Петербург. От первенствующего члена Синода прибыл в Спасо-Каменный монастырь гвардии сержант с тремя солдатами для наведения порядка. А старца Гедео́на подвели под новое следствие. В ход были пущены любые обвинения: и в схиму-то он пострижен незаконно, и по-архиерейски народ благословляет, и переписку крамольную с единомышленниками ведет. Затаскало его по следственным канцеляриям и монастырское, и епархиальное начальство, навело «шорох» на тихую обитель, приезжая с неоднократными обысками, в результате одного из которых нашли-таки доказательство злых козней схимонаха: старую чернильницу, упрятанную под полом келии.

20 марта 1733 г. последовал приказ из Тайной канцелярии усилить караул над Гедео́ном. А на следующий год не вынес схимник лишений сурового заточения и на старости лет провозгласил страшные, леденящие душу слова «государева слова и дела»! Но было уже поздно: синодальные «доброжелатели» убедили государыню услатить старца Гедео́на в Успенский Нерчинский

монастырь как человека опасного для государственного спокойствия. То и было в начале 1736 г. повелено, «не слушая никаких объявлений хотя бы о государевом слове и деле»...

Превращение монастыря в темницу не привело обитель к добру. 24 июля 1774 г. один из безумных колодников дьявольским наущением совершил

поджог монастыря. В результате случился третий опустошительный пожар, и сгорело все, что могло гореть.

Чудесным образом уцелела лишь гробница святого блаженного Василия с возложенными на нее тяжкими веригами подвижника, которые и поныне сохраняются для молитвенного поклонения кубенских христиан в Афанасьевской Лысогорской церкви.

В народе бытует мнение, что это якобы вериги св. прп. Александра Куштского, чего быть не может, так как сведений о ношении им вериг нет.

После такого бедственного разорения Вологодская епархиальная духовная консистория выразила намерение совсем упразднить древнюю обитель, что вскоре и повелено было исполнить. Братия с уцелевшим имуществом переместилась в Святодуховский Вологодский монастырь, который впредь стал именоваться Спасо-Каменным Духовым.

VIII

Двадцать шесть лет после этого обитель на Каменном острове оставалась в совершенном запустении, что немало огорчало кубенских жителей. В 1799 г. дворянство Вологодского и Кадниковского уездов, купечество ближайшего тогда уездного города Кадникова ходатайствовали перед Синодом о восстановлении монастыря, принимая на себя расходы по его обновлению и будущему содержанию.

Не только в Синод, но и лично императору Павлу I было направлено благочестивое прошение. Поверенным ходатаем в столицу по этому делу явился крепостной крестьянин вологодской помещицы В. В. Кожинкой некий Василий Блохинов. Он и подал прошение, а вскоре через императорского адъютанта получил положительный ответ. Все, учрежденное в прежнее царствование, объявлялось вредным и изничтожалось, все упраздненное — возрождалось. Поэтому в начале 1801 г. согласно императорскому повелению Синодом был дан указ восстановить монастырь и перевести в него братию с имуществом Богоявленской Белавинской пустыни. Наименовать его повелевалось, — в отличие от вологодского Спасо-Каменного Духова монастыря, — Спасо-Преображенскую пустыню.

Цветущего состояния эта возрожденная обитель на Каменном острове достигла в 1812 г., когда военные бедствия нового «нашествия иноплемennых» разорили многие благолепные обители даже в Москве. Несколько десятков московских иноков, бежавших от нашествия «двунадесяти языков», было помещено в этой пустыни на Кубенском озере, и, окормляемые строителем иеромонахом Феодосием, они немало потрудились на благо ее. Ими была разобрана не восстановленная после пожара надвратная Предтеченская церковь середины XVI в., а кирпич употреблен для надстройки настоятельского и братского корпуса с подведением его под одну крышу с теплой двухэтажной церковью. Памятником их пребывания в монастыре остался придел во имя святителей Петра, Алексия и Ионы — Московских и всея России чудотворцев, бывший в нижнем этаже главного Спасо-

Преображенского собора. Но московские инок, оставив по себе добрую память, вскоре покинули пустынь.

Она вновь стала оскудевать. И по странной участи своей опять едва не погорела 18 августа 1850 г. Огнем были уничтожены все деревянные строения, две соборные главы и значительно пострадало внутреннее убранство Успенской церкви, после пожара упраздненной.

Во второй половине XIX века местные духовные и светские власти усердно предпринимали меры по поддержанию удаленной обители. В пустыни появился чтимый список с чудотворного Образа Божией Матери «Утоли моя печали». Большое количество богомольцев собирал день памяти святого блаженного Василия (2 августа) и местное празднование собора всех Вологодских чудотворцев (18 октября). В 1892 г. в обитель, названную своим историческим именем, возвратились святые мощи преподобного Иоасафа, после чего день празднования его памяти — 10 сентября — стал значительным событием во всей округе. После благолепной службы, совершаемой архиерейским служением в главном монастырском соборе, из монастыря выходил крестный ход и в лодках, на плотах — а при низкой воде прямо вброд по отмели, ведущей к другому берегу, — направлялся за семь верст в село Устье, где под благовест всех трех церквей был встречаем ликующими толпами принаряженных устьянцев. Кончались праздники — и монастырская жизнь вновь затихала.

Совершивший в 70-е гг. XIX века путешествие по Мариинской водной системе вологодский чиновник Ф. А. Арсеньев так писал о посещении Спасо-Преображенской пустыни: «Было уже около полуночи, когда мы тихо подплыли к монастырским стенам. Кой-где в кельях монахов уже мерцали огоньки. Мы постучались в ворота. Нас окликнули и впустили. Прием был самый радушный и ласковый. Обительская братия, разобщенная с живым миром водяной стихией, не часто видит в своих стенах посетителей. Однообразный вид озера, его пустынные окрестности, голый, лишенный всякой растительности остров, вечная вода перед глазами да небо — томят своим однообразием одиноких заключенников — здешних монахов. И рады-радехоньки они приезжему свежему посетителю, и не знают, как вдоволь угостить, убагатворить его всевозможными яствами и питьями, какими только в состоянии располагать монастырское хозяйство».

Всякое разнообразие монастырской жизни совершенно прекращалось с наступлением суровых северных зим.

Нескончаемые метели, трескучие морозы, снежное бездорожье усугублялись еще и тем, что Спасо-Каменный монастырь, по удачному выражению князя П. П. Вяземского, «и в наше время еще переживает ледяной век и век движущихся камней».

Особенно в весеннее время при сильном западном ветре торосы озерного льда устремляются со всей шири озера на Каменный остров, загромаждая монастырь со всех сторон и превосходя в высоту иногда даже трехэтажный корпус келий. При этом огромные камни в несколько сот пудов вытесняются льдами и обрушиваются на монастырские постройки. Так было в 1833 г., когда донине лежащий на берегу валун в 500 пудов забросило на крышу братского

корпуса. В такие дни на две-три недели всякая связь монастыря с внешним миром совершенно прерывалась, и бывали даже случаи недостатка в припасах. И тогда среди треска громоздящихся глыб льда, падающих камней и завываний ветра немногочисленная братия древней обители собиралась в одном из своих храмов и противопоставляла неистовому буйству первобытной северной стихии усердную молитвенную службу Божию.

Естественно, что после того как монастырь был уже в советское время заброшен, суровая природа упорно продолжала уничтожение того, что не было разорено человеком. Сырой кубенский ветер быстро увеличивал грубо заделанные трещины в стенах Успенской колокольни, что, несомненно, должно было привести и к окончательной ее гибели.

Увидят ли следующие поколения соотечественников возвышающуюся над озером, словно надстройка корабля, малую главку с ажурным северным крестом? Только ли бесформенными горами мусора предстанет на фоне низкого горизонта этот сказочный «остров Буян», еще способный каменными своими обломками напомнить коротающим ночь рыбакам о древнем острове русской Северной Фиваиды — месте первого христианского нестяжательского пустынножительства на Святой Руси? Но и в печальном своем запустении, упавши в прах и превратившись в пыль, мистический остров прозрения среди озера Кубенского, место неусыпной «умной молитвы», колыбель славной плеяды учителей нестяжательства — заволжских старцев — не может не хранить в себе потаенные ключи и скрытые до времени источники небесной святости.

1978 г.

Макет монастыря, отображающий все его постройки
от начала строительства и до конечной даты существования